

Геннадий Карпов

Афродита Супярилярская

*Часть сборника
Выявление паразита (сборник)*

Геннадий Карпов
Афродита Супярилярская

«Автор»

2001

Карпов Г. М.

Афродита Супярилярская / Г. М. Карпов — «Автор», 2001

«Что-то было не так! Рауф осторожно раздвинул свисающие ветви и быстро, бесшумно, нырнул в их колючую глубину, скрывшись в переплетении веток кустарника, хвостов лиан и сумятице пятен света и тени, охватывающих громадное дерево; приник к стволу и затаился, зажав в зубах духовую трубку. Точно, что-то не то...»

© Карпов Г. М., 2001

© Автор, 2001

Геннадий Карпов

Афродита Супярилярская

Что-то было не так!

Рауф осторожно раздвинул свисающие ветви и быстро, бесшумно, нырнул в их колючую глубину, скрывшись в переплетении веток кустарника, хвостов лиан и сумятице пятен света и тени, охватывающих громадное дерево; приник к стволу и затаился, зажав в зубах духовую трубку.

Точно, что-то не то...

Рауф набрал полную грудь воздуха, нащупал языком колючку и замер...

Сквозь неумолчный гам попугаичьих криков прорывались посторонние звуки, похожие на... на... Похожие на музыку! Кажется это... Непроизвольно Рауф расслабился, сладкой истомой сжало грудь, руки ослабли и трубка выскользнула из губ...

Снова, уже явственнее, вплетаясь в птичьи голоса, прозвучала мелодия... Мелодия звонка... Сельва поблёлкла и исчезла, остались лишь попугаичьи крики... Крики и раз за разом звучащий марш Мендельсона будоражили просыпающееся сознание...

Было ещё очень рано: утро блеклым светом робко пробивалось через занавеси окна. Рауф, ещё не совсем отойдя от сна, с трудом поднялся, сел, бессмысленно глядя на клетки с попугаичками. Опять, заглушаемая птичьим гамом, полилась мелодия дверного звонка, исполняющего марш Мендельсона.

Рауф резко хлопнул ладонями:

– Ти-х-х-о!!

Испуганные птицы на время умолкли. Он нашарил ступнями домашники, встал и поплёлся к двери, сопровождаемый свадебным маршем, но отнюдь не в свадебном костюме: в «семейных» трусах до колен и в грязной непонятного цвета майке, которая после многих стирок села, укоротилась и теперь чуть прикрывала пупок. Не спеша открывать, смачно зевая и почёсывая солидно выпирающий живот, Рауф спросил:

– К-то-о-о э-это-о?

– Встал! – обрадовались за дверьми. – Открывай, птичий царь, – в дверь пару раз пнули. – Свои! Открывай, ор-р-рёл!

«Толик...? Уже шесть?!»

– Сейчас... – Рауф отомкнул защёлку и, не ожидая гостя, заторопился обратно в комнату – одеться поприличнее, – ...входи.

Те, кто раньше бывал в трёхкомнатной квартире Мурзаевых, попади они сюда сейчас, были бы ошеломлены. Везде налицо признаки разрушительного землетрясения и последовавшего затем опустошительного нашествия мародёров, что почти соответствовало истине. Опустошила квартиру бывшая хозяйка, жена Рауфа, в период между их разводом и её отбытием на землю обетованную. А землетрясение успешно заменил «мастер на все руки» Вова-зна-ток, взявшийся по знакомству «быстро, дешёво, сердито» сделать «евроремонт» в осиротевшей жилплощади. Получив задаток, он ураганом пронёсся по квартире, порушив где только можно штукатурку, с необыкновенным чутьём нашёл и вскрыл все щели, какие только были в стыках бетонных плит и в них самих; выковыривая старую проводку, продолбил несчётные метры для новой; пробурил-пробил десятка два отверстий и... иссяк.

Особенно «болезненным» для хозяина оказалось разрушение унитаза, вернее кардинальный снос его верхней седалищной части, что каждодневно неединожды ставило Рауфа перед архисложной задачей и вгоняло в депрессию. Правда, как всегда, нет худа без добра: это способствовало развитию снайперских качеств, закалило нервы и умерило аппетит.

Да, у Вовы, «знатока «евроремонта» были неординарные, выдающиеся способности к разрушению и, увы, явно ниже средних к созиданию. Куда только девались его азарт и неутомимость?! За полгода последующей деятельности, скорее сердитой, чем активной, он установил патрон для лампочки и розетку для телевизора в одной из комнат, поставил новый дверной звонок, раздражающийся свадебным маршем, поначалу ошарашивающий гостей, особенно дам. Вова сделал из квартиры склад-кунсткамеру, притащив сюда всё что плохо лежало на стройплощадках и свалках, что вкупе с остатками былой обстановки и старыми вещами превратило её в труднопроходимый полигон, да такой, что передвигаться по ней в тёмное время суток стало небезопасно для здоровья. Возможно, когда-нибудь Вова и завершил бы ремонт квартиры, но, увы, его бурную деятельность остановили компетентные органы, задержав при раскулачивании очередной новостройки. И «знаток» окончательно исчез с горизонта.

Нет, нет, сказать, что Рауф после этого не боролся с окружающей квартирной средой, нельзя. Ещё как! Он проложил тропы во все помещения, а комнату, где были установлены розетка и патрон, даже обустроил, поставив там телевизор, несколько расшатанных стульев и то, что когда-то было тахтой. Не сдаваясь и обустроиваясь дальше, Рауф стащил туда всю остальную «мебель» и то, что могло за неё сойти, как, например, так и не установленный новый унитаз, бывший у Рауфа вместо крепкого устойчивого стула.

Уют крепчал.

Рауф прислушался к совету и приделал тахте ножки из стопок книг и, действительно, тараканы набегали на неё стали реже и малочисленнее – по утрам Рауф находил на простыне уже много меньше раздавленных трупиков. К тому же появилось новое увлечение – отступило одиночество – клетки с попугайчиками заслонили грязные стены.

Отгородившись от остальной квартиры птичьими клетками, Рауф успокоился и лишь изредка грезил планами грандиозного, классного, капитального, а главное, быстрого и дешёвого ремонта... Но, конечно, сначала надо было отбить у тараканов кухню. Количеством и безмерной наглостью тараканы камикадзе пугали маму, и та всё реже и реже заходила к нему прибраться и перемыть посуду. Сам Рауф принципиально не мыл посуду и крайне редко прибирался. Действительно, разве это мужское дело?! Тем более кандидата исторических наук, профессора, наконец! Женское это дело. А женщины, даже сильно близорукие, несмотря на многообещающую мелодию звонка, после воздействия квартирной среды и близкого знакомства с тараканами переставали навещать в гости.

Да, тараканы доняли! Один попугайчик, вызвав умиление у Рауфа, съел по глупости нахала, залезшего к нему на жердочку, и наутро околел. Терпение кончилось. Рауф объявил тараканам тотальную войну и применил химическое оружие массового поражения.

Предварительно пришлось эвакуировать всех попугайчиков к соседу, жившего под ним. Собственно, именно Алимамед (для друзей Алик) заразил Рауфа попугаефилией, когда, после отъезда жены, тому уж совсем стало не вмоготу от одиночества.

Успешно проведя эвакуацию, Рауф забросал врага разнообразной химией: твёрдой, жидкой, пыльной, горючей и вонючей; и покинул квартиру, ставшую химическим армагеддоном. Когда через неделю Рауф вернулся, то был страшно разочарован: его встретили пёстрые полчища оголодавших, и поэтому жутко нахальных, тараканов-мутантов. Наутро грустно вытряхивая из простыни раздавленных мутантов, обдумывая трудную дилемму: стирать или не стирать её, ему печально подумалось, что тараканы если и понесли урон, то только моральный: им было ужасно одиноко без него.

Плюнув на тараканов и на все остальные невзгоды, Рауф все надежды обратил на лето. Придёт конец занятиям, сессиям, экзаменам и тогда, закатав рукава, имея время и деньги, вместе с новым супермастером он обрушится на разруху и тараканов.

А между тем наступил второй месяц весны. Апрель. Погода радовала, звала, и шептала что-то frivolное... И надо сказать, что попугайчики были не единственным небескорыст-

ным увлечением Рауфа (выведение, выращивание и продажа давали довольно ощутимый приработок). Вторым таким увлечением была рыбалка. Это было тем более удивительным, что с детства Рауф страдал водобоязнью. Хотя, если точнее, не совсем водобоязнью, это была боязнь больших объёмов воды, вплоть до ванны – купался только под душем, и не очень часто. К морю и, вообще, к водоёмам у него было, примерно, то же отношение, какое бывает у большинства людей к бездонному болоту с коварными, хлипкими берегами и с отвратной жижей вместо воды. А вот рыбу Рауф любил, тем паче, что практически она обходилась ему бесплатно. В рыбалке его партнёром и наставником был друг детства и юности Толик – соратник и напарник в мужских приключениях, пока Рауфу не надоела суета и он, капитулировав, женился. Толик же был холост до сих пор и, в отличие от Рауфа, неугомонен: ловил птиц-красавиц в облаках, а не довольствовался попугайчиками в клетках.

Толик часто пропадал, неделями не появляясь на обычных местах: искал идеальные, где рыба лучше и больше, клёв постоянный, вода чище, а воздух прозрачен и сладок, и нет назойливых зрителей и конкурентов. После нескольких разведпоездов, Рауф зарёкся ездить на непроверенные места, предпочитая пусть небольшой, но стабильный улов. И всё-таки иногда соблазнялся – иной раз, после поездок с Толиком, он триумфально вёз в родительский дом десять-двадцать килограммов отборной рыбы. Наступало пиршество. Рыбу съедали за два-три дня, и Рауф возвращался к своим тараканам.

Объявившийся три дня назад, Толик, до этого пропадавший пару недель, сообщил, что нашёл уникальное место. Природа – во-о! Место – во-о! Ручей неподалёку, не вода – лимонад! Клёв необыкновенный. Есть всё! Шамайка, сазан, осетр, кутум, минога, – и засмеялся, – говорят, даже русалки. Далековато, правда, но зато какая рыбалка!!!

И Рауф поддался. Баллы-муаллим согласился взять его «часы» и подменить в субботу – конечно, ведь и Рауф не раз выручал его. А в понедельник «часы» у Рауфа были только во второй половине дня, и он надеялся ещё и отдохнуть перед ними.

Неожиданно и Алик загорелся желанием поехать вместе с ними. Наверное потому, что был у Рауфа (обсуждали достоинства и недостатки птиц, выгоды покупок и продаж в прошедшее воскресенье на птичьем рынке), когда к нему ворвался Толик с соблазнительными планами. Честно говоря, Рауф был не в восторге, но отказать соседу и компаньону было трудно. Ещё сложнее оказалось помочь ему убедить Матанат-ханум отпустить мужа на рыбалку.

– ...И слышать об этом не хочу! И говорить не буду!! Почти три дня! Две ночи!! Ни за что!!! ... Вы что, смеётесь?! За дуру меня принимаете?! Думаете, Матанат ничего не соображает? Молчи!.. Шайтан!.. Не хочу слышать!..

Даже на птичий рынок Матанат-ханум отпустила Алимамеда с неохотой и подозрением, подчиняясь лишь явной выгоде его коммерции для бюджета семьи. Во всём остальном она усматривала кобелинские замыслы мужа, готового приволочиться за любой юбкой. Возможно, она была не так уж и не права – в «мужских» разговорах, Алик, описывая свои приключения, выглядел удачным ловеласом.

Все сомнения и подозрения Матанат-ханум в конце концов пересилили клятвенные уверения друзей, что Алимамед привезёт самое малое, одно, а скорее два или три ведра свежей рыбы. Но, разрешив Алимамеду поехать на рыбалку с ночёвкой, Матанат-ханум разразилась проклятиями в его адрес с обещанием жутких кар, не дай аллах, он вместо ловли рыбы займётся развратом. Кляла Матанат-ханум возможного изменщика не стесняясь, истово, во весь голос. А чтобы сомнения в неотвратимости кар не возникли, поклялась на хлебе, каждым из своих детей, своими родителями, родителями Алимамеда и своей жизнью. Не преминула упомянуть, что не меньшие кары падут на головы пособников возможного грехопадения её мужа. Клятвы и угрозы Матанат-ханум звучали весьма убедительно не только из-за их содержания: даже совместно далеко не худые друзья были в меньшей весовой категории, чем она одна.

Толик влетел в комнату и возрился на Рауфа, натягивающего рубашку.

– Так и знал! – ещё не готов... Давай побыстрее! И иди, подымай с насеста своего коллегу. Не я буду, если в шесть мы не выедем отсюда – с ним или без него!

Рауф, заправляя рубашку в брюки, осторожно намекнул, что если бы Толик сам поднял Алика, а он...

– Что-о?! Ну-у ты, брат, нахал!

И возмущённый Толик сообщил, что ему до лампочки, поедет Алик с ними или нет. Ему хватит одного по-опу-гая! И что они, нахалы, уже должны были быть на ногах и полностью собранные ждать его с готовым завтраком. Или, хотя бы приготовить чай и пахлаву.

Рауф вздохнул.

– Давай, давай, иди, – поторопил его Толик, – а я займусь чаем. Пахлава есть?

Грустный взгляд был ему ответом.

– Ш-шша-а! З-с-све-ери! – неожиданно заорал Толик и громко угрожающе зашипел, обводя хищным взглядом клетки.

Птицы разом смолкли и оцепенели.

– Тихо сидеть! Пока я имею разговор.

Удивительно, но этот приём, который Толик почему-то всегда сопровождал нарочито одесским говором, имел успех. Попугаи замирали минут на десять. В исполнении Рауфа этот же приём почему-то не имел должного успеха. Может шип был иной? А в первый раз эффект был просто потрясающий: попугайчики замерли аж на полчаса, а три-четыре так вообще свалились трупиками с жердочек, слава богу, потом очухались. У их хозяина из-за этого чуть сердечный приступ не случился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.